

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: О золотой колыбели

В очень давние времена, когда не создал еще Аллах великого прародителя всех людей Адама, изгнанника дженетта, на свете жили какие-то древние не то люди, не то духи по названию джинтайфасы. Были разные джинны. Одни были правоверными, другие — неправоверными, не признававшими единого Аллаха, создателя всех миров. По эту сторону крымских гор, вдоль всего побережья, жили аллаховы джинны. Они были верны заветам единого Аллаха и его пророка, произносили по правилам молитвы и пять раз в день восхваляли его премудрость. По ту сторону крымских гор, внутри страны, жили неправоверные джинны. Они не признавали заветов Аллаха, не творили его молитв и подчинялись врагу Аллаха — великому бесу Иблису, которого сделали своим богом и учение которого выполняли Аллаховы джинны, живя на побережье Крыма, сажали сады, разводили виноград, сеяли хлеб и просо, пряли лен. Иблисовы же джинны, живя в диких горных лесах, пасли стада на редких лугах, охотились на козлов и оленей, выжигали уголь.

Каждая группа джинов имела своего властителя, своего хана. Не было согласия между джинами Аллаха и джинами Иблиса. Часто шли между ними войны и распри. Они отнимали друг у друга пашни, леса и пастбища, угоняли скот, не давали производить сельские работы. Из-за этих стычек зарождались кровавые военные походы, разорялись и сжигались деревни, много джинов убивалось и уводилось в позорное рабство. Ненавидели аллаховы джинны иблисовых, а иблисовы — аллаховых. Ненавидели и их ханы друг друга и всегда были полны жадной мести за прошлые обиды. Но чаще побеждали иблисовы джинны, так как они были более смелы, подвижны, жестоки, неустрашимы, выносливы, закаляясь на охоте и пастыбе скота, а джинны-земледельцы были робки, боялись уходить от своих хижин и пастбищ, плохо владели оружием, не привыкли к военным хитростям и жестокостям.

У хана иблисовых джинов был сын-наследник, юноша редкой красоты, смелый, страстный и настойчивый. Не знал он еще любви, так как не было в стране иблисовых джинов девушки, достойной такого витязя. И жадно прислушивался он к рассказам о чужих красавицах. Был у ханского сына дядька-воспитатель, невольник хана, который когда-то маленьким мальчиком был украден иблисовыми джинами у аллаховых в лесу, когда собирал кизил. Он вырос в неволе, отличался умом и многими доблестями, в старости получил поручение воспитывать ханского сына, научил его разному искусству и стрельбе из лука, и метанию из пращи, и прыганью, и бегу. Очень полюбил старый раб своего воспитанника и рассказал ему, как живут другие джинны, какие у них витязи и девушки. Часто виделся старик тайком с другими невольниками своего племени и знал через них обо всем, что происходило на его родине.

Рассказывал старый дядька воспитаннику своему, что у хана аллаховых джинов на морском берегу Крыма есть молодая дочь, такая красавица, что только о ней и поют соловьи той страны и далеко за ее пределы разносят сладостную славу о ее несравненной прелести. Велел молодой сын хана привести к себе тайно тех невольников, которые видели принцессу, и расспрашивал их обо всем, из чего складывается ее дивная красота, — и о коже лица, похожей на лепесток розы, и о тонких стрелках бровей, и о глазах, горящих, как звезды, и о губах, манящих, как черешня, и о мягких пленительных волосах. Много рассказывали невольники пылкому юноше, и так ясно представилась ему несравненная красота дочери южнобережного хана, что загорелось у него неукротимое желание хотя бы посмотреть на никогда не виданную им красоту, хотя бы услышать из уст благоухающее слово и сказать ей.

Глубокая страсть разгорелась в его мужественном сердце, все мысли его наполнились думой о прекрасной, никогда не виданной им соседке. Перестала радовать его и охота со сверстниками на оленей и козлов на Яйле в дремучих горных лесах, и состязания в меткости стрельбы из лука в летящую птицу, и скачки на диких горных конях, и военные игры с мечом, копьем и щитом, и охота за пленниками с длинным арканом, и веселые пирушки у отцовского очага, и рассказы его старых воинов о давних походах, боях, победах, сказки старух о славных царских сыновьях в далеких странах. Стал сын хана мрачен и молчалив, погрузился в думы, отказывался от еды и питья, не находил покоя, молчал, не смея проронить слова о своей преступной страсти к дочери врага, размышлял без сна по ночам и тосковал так, что пожелтел, иссох и стал похож разве на тень свою. Так далеко завела его скрытая от всех любовь.

Глубоко печалился старый хан, глядя на скорбную перемену в любимом сыне. Настойчиво допытывался он от него о причине его тоски, но юноша молчал, как могила. Призывал хан искусных колдунов, чтобы его излечить, но те не находили никакой болезни, и тщетны были все их заклинания от дурного глаза. Старался хан развеселить сына плясками невольниц, шутками придворных насмешников, воинскими забавами, зурнами и сантырами. Но ничто не помогало, принц оставался мрачен и угрюм, и не мог отец разгадать тайны его печали.

Призвал тогда старый хан к себе верховного жреца Иблиса и поручил ему во что бы то ни стало узнать причину скорби сына. Тот стал следить за каждым его шагом, словом и вздохом, но ничего не мог заметить. Наконец, когда в одну ночь юноша забылся краткой дремотой, верховный жрец подкрался к нему, приник ухом к его шевелящимся устам и услышал явственное: «О, Зехра, Зехра!» и слова великой любви и печали.

Долго гадал хан со своим жрецом, о ком шептали ночью уста юноши, но не могли никак догадаться. Долго спрашивали они повсюду, но не нашлось во всем ханстве ни одной девушки по имени Зехра. Стали они тогда призывать гадалей и гадать на имя «Зехра». И догадался один из колдунов и указал, что Зехра живет по ту сторону гор на берегу великого моря. Опросили они пленников из аллаховых джинов и узнали всю правду. В старом хане тревога сменилась страшным гневом. Измену увидел он в преступной страсти сына, измену отцу, племени и его древнему богу Иблису. Он запретил сыну даже и помышлять о проклятой иноплеменнице, осыпал ее имя страшной бранью, грозил юноше заключением и отцовским проклятием и установил за ним строгий надзор. Одно упоминание об иноверном соседе-хане и его племени приводило старика в свирепую ярость.

Но не таково было твердое сердце юноши-принца, чтобы можно было угрозами изгнать из него черты любимой. Видя неукротимость гнева своего отца, он про себя твердо решил бежать тайком из пределов власти грозного отца и пробраться во что бы то ни стало за горы в приморскую страну аллаховых джинов, к мечте своего сердца, чтобы хоть единый раз взглянуть на свой кумир и исцелить душу свою единым взглядом ее прекрасных глаз.

Долго, долго размышлял печальный юноша, как ему выполнить свое решение, как обмануть отца и поставленный им надзор. Никто не мог ему помочь в его планах, кроме его старого преданного слуги, дядьки, который вырастил его с малолетства и душу свою готов был положить, чтобы исполнить желание воспитанника. Старик достал тайком платье чабана, в одну темную грозовую ночь положил свернутое из соломы чучело на ложе принца, а сам с переодетым юношей проскользнул мимо дворцовой стражи, прокрался глухими мрачными переулками к городской стене, отыскал ему одному известный подземный ход, ведущий из старого разрушенного подвала под стеною наружу — в ближайший лес, в скрытую пещеру. Только здесь беглецы остановились на минуту, чтобы вздохнуть, но тотчас же осторожно скользнули дальше по глухим лесам, по скалам и пропастям, без дорог и тропинок, по дебрям, куда не ступала нога путника, и где только горные козлы прыгали со скалы на скалу, не боясь стрелы охотника, да мрачный барсук копошился в расселинах, щелкая орехи. Так бежали они всю ночь все выше и выше в горы и к рассвету поднялись на самую Яйлу. Пустынна была Яйла, служившая границей между обоими ханствами, страшились показываться сюда джинны и с той и с другой стороны, но все же побоялись беглецы дневного света, спрятались в мрачной пещере и дождались вечера. В темноте второй ночи они осторожно прокрались по опасным скалам и провалам Яйлы и скользнули в леса южного склона. Пробираясь между сторожевыми постами аллаховых джинов, между стоянками охотников и котами чабанов, остерегаясь их свирепых собак, спустились беглецы наутро к прибрежным скалам.

Трудно было бежать из отеческого дворца и родного племени, трудно было пробраться незамеченными через непроходимые горные леса в чужую, вражескую страну, но самое трудное было проникнуть во дворец правоверного и увидеть его зорко оберегаемую красавицу-дочку. Долго искал случая и измышлял ханский сын способы выполнить свою мечту, — ничего не помогало. Его прогоняла стража, рвали сторожевые собаки, высокие ограды и крепкие запоры преграждали ему путь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Решили, наконец, беглецы придумать хитрость, чтобы во что бы то ни стало пробраться во дворец и выполнить горячее, непреклонное желание юноши. Стал принц вместе со своим старым слугой разучивать неведомые им до сих пор священные песнопения. Долго учили и выучили их большое число. Тогда переоделись они в платье странствующих нищих–дервишей и стали ежедневно приходить к воротам ханского дворца и распевать священные гимны, восхваляя премудрость Аллаха и его халифа на земле, великого хана правоверных джиннов.

Прекрасный могучий голос молодого дервиша, страстные настойчивые мольбы, выражавшиеся в звуках его песен, нашли, наконец, дорогу к уху красавицы–принцессы. Она стала в обычный час приближаться к воротам и в открытом месте слушать прекрасные гимны дервишей. Наконец, красавица Зехра начала упрашивать старого хана, своего отца, разрешить святым дервишам в священные дни приходить в ее дворцовую молельню и оглашать ее песнопениями. Старого хана также глубокого растрогало прекрасное пение дервишей, и он допустил священных странников во внутренние части дворца, уступая просьбам красавицы–дочки.

Тут–то, в священной тишине храма Аллаха, впервые увидел переодетый принц–дервиш ту, о ком столько бессонных ночей мечтала его душа. Долго не мог он прийти в себя от трепета и изумления, ибо все его мечтания были лишь бледной тенью той красоты, которую он теперь видел перед собою наяву, и не было границ его восторгу. Но и сама принцесса Зехра скоро заметила, слушая дивные гимны, что не только звучным голосом обладает молодой дервиш, но и прекрасным, мужественным, гордым лицом, светящимися, смелыми, пылкими глазами и могучим, гибким, стройным станом, проступающим из–под нищенских дервишских одежд.

Прошло немного времени, и все чаще пели дервиши свои песнопения для красавицы–принцессы в молельне. И уже не только искусство пения показывал молодой дервиш во дворце, он участвовал в состязаниях в стрельбе из лука, и в метании копья, и в борьбе, и в верховой езде, и никто из правоверных юношей не мог сравниться с ним мужеством, силой и меткостью. И заподозрила красавица Зехра и ее отец, правоверный хан, что не нищий дервиш входит в их дворец, а какой–то пришлый витязь, покинувший свою землю.

Прошли месяц за месяцем, и пришел день, когда два любящих сердца открылись в пре–данности друг другу. Не было предела их блаженству, когда старый отец красавицы не нашел слов отказа на их мольбы и согласился сочетать их браком. Принц торжественно принял веру своей возлюбленной, веру единого Аллаха, сбросил притворные одежды дервиша, явился в на–стоящем виде витязя, но не открыл своего действительного происхождения.

Счастлив был безмерно и старый хан, когда его дочь, прекрасная Зехра, наградила его золотокудрым внуком. Очарованный дед подарил ей фамильную колыбель, в которой по наследству с давних веков укачивались все наследные принцы ханского рода правоверных джиннов. Была колыбель сделана из чистого золота со слоновой костью, вся сверкала драгоценностями и мастерством работы, а при качании сама собою издавала нежные колыбельные песни. Стала красавица Зехра укачивать своего прелестного младенца в золотой поющей песни колыбели.

Тем временем слух о браке ханской дочери с каким–то пришлым витязем, принявшим ее веру, дошел до края иблисовых джиннов по ту сторону Крымских гор. Давно уже хан тщетно искал своего исчезнувшего сына и никак не мог обнаружить его следов. Он пытал и казнил стражу, не убергшую его, он призывал гадателей, но ничего не мог узнать. Наконец он решил, что беглый сын погиб в горах и лесах и что лучше ему, беглецу, умереть такою смертью, чем попасть в сети своей возлюбленной, дочери ненавистного хана приверженцев Аллаха. И утешал этим хан свою отцовскую скорбь.

Когда же дошла молва о браке при дворе хана аллаховых джиннов и о рождении наследного младенца, страшное подозрение закралось в душу старика. Он послал лазутчиков в ненавистную вражескую страну, чтобы они посмотрели на пришлого витязя, мужа принцессы. Лазутчики принесли весть, что это действительно сын хана, бежавший из отцовского дома и принявший ненавистную веру Аллаха. Безмерна была ярость старого хана против беглеца и изменника–сына, бросившего родной край, свое племя, отца и его ханский трон, предавшего кровным врагам, сочетавшегося мерзким браком с дочерью злейшего недруга, породившего с нею змеиное отродье и совершившего самое страшное дело: изменившего вере отцов, служению Иблису. Великим гневом и местью закипело сердце старика, и решил он уничтожить и отступника–сына и проклятое гнездо врага, совратившего его своим чародейством, и всю страну ненавистных правоверных джиннов. Уничтожить так, чтобы покончить с ними навеки.

Созвал хан всех своих вельмож и жрецов на Диван, клялся перед ними именем великого Иблиса отомстить врагу и потопить его в крови и просил всех помочь ему в этом священном деле. Жрецы и вельможи, почуяв добычу, еще больше разожгли его гнев и обещали дать всех своих воинов. Собралось в горах огромное войско последователей Иблиса и, подстрекаемое жрецами, припоминая древние обиды, возбуждаемое гневным мстительным ханом, ринулось через горы на вражескую землю.

Семь лет и семь зим длилась страшная война. Кровь лилась рекой, земля дрожала под копытами лошадей, воздух наполнялся свистом стрел. Яростно нападали па селения прибрежных джиннов свирепые пришельцы из–за гор. Не трусами показали себя и аллаховы джинны. Они выставили храброе войско и мужественно защищали свою землю и веру, свои хижины, жен, детей и стариков. Сам старый правоверный хан собирал отряды и направлял их навстречу врагам. Его мужественный зять стоял во главе войска, защищавшего его новую родину. Его видели в первых рядах, в самых опасных местах; как лев, бросался он вперед, увлекая за собою аллаховых воинов и стремительно поражал приверженные Иблису войска своего отца, своих единоплеменников, бесстрашно защищая от них свою любовь, свою красавицу и своего сына. И его оружие сопровождала победа.

Но не везде и не всегда мог быть в первых рядах храбрый, бесстрашный предводитель, не все его воины были так же крепки сердцем, как он. Пока он побеждал в одном месте, — в других слабели его войска под напором разъяренных горцев и терпели поражения. Так случилось, что он отважно бросился с отборным отрядом на врагов, врезался в их ряды, сея вокруг себя ужас и смерть, проник далеко вглубь их войска, стараясь достигнуть отцовского стана, и не осмеливались враги приближаться под удары его стремительного меча. В это время в других местах поколебались и были обращены в бегство его отряды, сомкнулись за его спиной ряды врагов, и он с неустрашимой горстью храбрецов оказался окруженным и отрезанным в опасной горной теснине. С беззаветной храбростью защищался отряд, много врагов полегло к его ногам, но прибывали все новые и новые толпы, тучи стрел сыпались с соседних скал, огромные камни скатывались в теснину, и, наконец, метко пущенный чьей–то скрытой рукой камень из пращи попал отважному предводителю прямо в висок и поверг его мертвым на землю. То был камень из пращи его гневного и мстительного отца–хана.

Лишенный любимого вождя, недолго мог сопротивляться весь отряд и был уничтожен до одного человека. Рядом с убитым витязем легло и изрубленное тело его воспитателя, старого раба. Страх и ужас напал на всю землю аллаховых джиннов. Уже никто не думал о сопротивлении, думали лишь о бегстве и спасении. Ожесточенные воины приверженцев Иблиса хлынули безудержным потоком в беззащитную страну, жгли, грабили, убивали все, что попадалось на пути, камня на камне не оставляли от былых деревень, городов и храмов, в мрачную пустыню превратили цветущий Южный берег Крыма. Счастливым мог почитать себя тот, кто был уведен в тяжкое рабство: он сохранял по крайней мере свою жизнь. Остальные были до одного все перебиты.

Куда было спастись? Не было аллаховых кораблей на морском просторе, крепости на горных скалах были уже разрушены врагами, а все пути и тропы из их прибрежной страны вели через горы в страну ненавистных врагов, иблисовых джиннов. Не было никому спасения. Старый хан аллаховых джиннов долго защищался с дочерью и внуком в своем дворце, где ныне находится Алушка. Долго не могли взять его враги и придумали способ, чтобы уничтожить его совершенно. С самой горы Ай–Петри стали они сваливать огромные обломки скал; те со страшным грохотом и неудержимой силой катились вниз и падали прямо на дворец, разбивая его в осколки и щепки. Столько этих страшных скал посбрасывали враги, что и следа не осталось от ханского дворца, а на его месте образовалась огромная груда горных обломков, нагроможденных друг на друга в мрачном хаосе.

Старый хан, убитый горем и охваченный глубоким отчаянием, видя неминуемую гибель дворца, когда первые камни ринулись с Ай–Петри, бросился спастись через последнее убежище — через потайной подземный ход, который вел из дворца в Алушке вверх в горы, в крепость Исар на горе, называемой теперь Крестовой. Он устремился по подземному ходу, увлекая за собой рыдавшую дочь, прекрасную Зехру, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

маленького внука. Из всех своих былых богатств и сокровищ они захватили с собой только одну, самую дорогую драгоценность — золотую поющую колыбель.

С великим трудом и мукой поднялись они по мрачному длинному подземному ходу в крепость. Там вверху был выход в скрытую таинственную пещеру в расселине. Когда они подошли к нему, то с ужасом и отчаянием увидели, что их грозная крепость уже взята и разрушена врагами, что и на нее свалились могучие обломки скал с Ай-Петри и что расселина с пещерой завалены так, что выхода из них нет совсем. Не могли их здесь найти свирепые враги, не могли их ни убить, ни увести в позорное рабство. Но могли ли они здесь найти спасение? Кругом лежала опустошенная разрушенная страна, наполненная трупами, среди которых рыскали озверевшие враги. Никто не мог их спасти, открыв выход из пещеры. Без всякой помощи и поддержки несчастные, претерпев страшные страдания, умерли с голоду у выхода из подземного хода.

Перед смертью старик-хан произнес над золотой колыбелью грозное заклинание, от которого она стала невидимой.

Предание говорит, что золотая колыбель эта еще и ныне хранится в мрачной пещере горы Исар. Только иногда, во время сильной бури, когда вихрь проникает в заколдованное таинственное подземелье и раскачивает колыбель, она тихонько поет заунывную колыбельную песню.

Многие, очень многие с давних пор старались как-нибудь достать золотую колыбель в пещере на Крестовой горе, но всегда безуспешно.

Многие платились жизнью за свои дерзкие попытки, срываясь со скал, другие, спасши свою жизнь, возвращались перепуганные, полубезумные, с искривленным навеки ртом, руками или ногами. Очень крепко была заколдована старым ханом золотая колыбель. Никому не дается она в руки, если тот не имеет нужного талисмана.

А талисман может открыться только тому, в ком горит такая же могучая беззаветная любовь, какую носил в себе отважный сын хана иблисовых джиннов, павший от руки собственного отца.